

Хуан Чжиань протянул меню и обратился к Цзин Цичэню:

— Цзин-гэ, позвольте мне так вас называть. Я запомнил вашу помощь Сюй Сину. Пойдёмте, я провожу вас купить сигарет.

Когда Хуан Чжиань и Цзин Цичэнь вышли, Янь Сюй вдруг осознал — Цзин-гэ ведь не курит.

Неужели у них есть какие-то секреты, которые нельзя обсуждать при других?

В комнате остались только Янь Сюй и Сюй Синь. Дети, как всегда, нашли себе занятие: Дань-Дань сидел на коленях у Сяо Дуньэра, и они играли в хлопушки.

Хотя Янь Сюй и Сюй Синь уже много лет были соседями, они не были близки.

Янь Сюй не был человеком, который легко сходится с людьми, а Сюй Синь был немного замкнут. Их общение ограничивалось редкими приветствиями при встрече или разговорами в присутствии Хуан Чжианя, когда они обсуждали последние новости.

Возможно, именно из-за некоторого сходства между ними их отношения были немного напряжёнными.

Сюй Синь, похоже, тоже чувствовал неловкость. Он огляделся по сторонам, и в отсутствие Хуан Чжианя он ощущал себя как птенец, потерявший родителей. Незнакомая обстановка и люди вызывали в нём сильную тревогу.

— Янь-гэ, — произнёс Сюй Синь, и его голос был тише шелеста крыльев комара.

— Мм? — Янь Сюй повернулся к нему.

Лицо Сюй Синя мгновенно покраснело, он сжал руки и заговорил, слегка заикаясь:

— У вас с Цзин-гэ... такие хорошие отношения...

Янь Сюй улыбнулся, его улыбка была естественной, без тени напряжения:

— Да, он хороший человек, с ним легко общаться.

Возможно, спокойствие Янь Сюя успокоило и Сюй Синя, или же он просто привык к обстановке и к тому, что Янь Сюй не был для него совсем чужим. Он перестал заикаться:

— Моя новая работа очень хорошая, Цзин-гэ помог мне с трудоустройством, я очень благодарен.

На лице Сюй Синя появилась улыбка, словно он сбросил с плеч тяжесть:

— Я всегда боялся стать обузой для Чжианя. Я хромой, внешне отличаюсь от обычных людей, и работу найти было сложно.

Хотя его слова звучали грустно, в глазах Сюй Синя не было жалости к себе. Он был полон надежд на будущее.

— Не стоит так говорить, — сказал Янь Сюй, вспоминая книги, которые он читал. Он не был мастером утешения, поэтому просто повторил заученные фразы:

— У каждого есть недостатки. Главное — найти своё место, и тогда в глазах подходящих людей ты будешь идеальным.

Ведь мы всего лишь люди, и мы должны прощать себе свои несовершенства.

Сюй Синь, вероятно, слышал подобные слова много раз. За свою жизнь он сталкивался с издевательствами, изгнанием, избиениями. Он встречал людей, которые сочувствовали ему, и они говорили то же самое, что и Янь Сюй.

Они утешали его, говорили, что он ничем не отличается от обычных людей.

Но разницу определяли не он сам, а взгляды окружающих, их шёпот за спиной, детское любопытство, которое не знает утайки. Всё это ясно давало понять Сюй Синю, что он отличается от других. Казалось, он родился неудачником.

Пока не появился Хуан Чжиань.

В мире Сюй Синя Хуан Чжиань был словно принц, спустившийся с небес. Он был открытым и дружелюбным, как вечно горящее солнце.

Хуан Чжиань никогда не утешал его и не говорил сладких слов — но его отношение и то, как они общались, ничем не отличалось от обычных людей.

И в этой обыденности они естественно стали вместе.

Для Сюй Синя это была самая прекрасная встреча в его жизни. Даже если для других она казалась обычной и ничем не примечательной.

Но для Сюй Синя это была жизнь, которую он обрёл, потратив всю свою удачу. Каждый день был для него даром небес.

Янь Сюй тоже почувствовал, что его слова звучали не совсем уместно, но он не знал, как объяснить. Неужели он должен был сказать Сюй Синю, что его тоже бросили родители, и они

ничем не отличаются?

В этот момент вернулись Цзин Цичэнь и Хуан Чжиань. Они ничего не несли в руках, и на их одежде не было запаха сигарет. Очевидно, они выходили не за сигаретами. Выражение лица Хуан Чжианя было расслабленным, словно с его плеч свалился огромный камень.

Он взял руку Сюй Синя под столом и слегка похлопал по ней, словно успокаивая.

Всё это, конечно, не ускользнуло от взгляда Цзин Цичэня, но он ничего не сказал. Он никогда не вмешивался в жизнь других.

Изящная официантка с подносом в руках, грациозно ступая на каблуках, поставила блюда на стол, не издав ни звука. Её движения были поистине элегантны.

Увидев, что никто не приступает к еде, Хуан Чжиань пригласил:

— Не стесняйтесь, ешьте. Говорят, здесь очень вкусно, не экономьте на мне.

Только после того, как Хуан Чжиань попробовал первое блюдо, Янь Сюй и Цзин Цичэнь взяли палочки.

Блюда, полные аромата и вкуса, медленно появлялись на столе. Они источали странный, но приятный запах, от которого у Янь Сюя слюнки текли, как у ребёнка, увидевшего любимое лакомство.

Пища медленно пережёвывалась и скользила по пищеводу. Янь Сюй чувствовал себя так, словно погрузился в горячий источник, его тело наполнилось невероятной лёгкостью.

Он посмотрел вокруг и заметил, что Цзин Цичэнь и остальные, похоже, ничего не чувствовали, ели как обычно.

Тогда Янь Сюй решил, что это просто из-за вкусной еды.

Однако он не забыл о Дань-Дане и Сяо Дуньэре. Дань-Дань чавкал, но не издавал ни звука, помня правила поведения за столом, которым его научил папа. Даже Сяо Дуньэр, который наконец немного поправился, был тихим.

Наевшись, Дань-Дань протянул руки, чтобы папа взял его на руки. Зная, что при посторонних нельзя говорить, он только моргал своими большими глазами, молча капризничая.

Янь Сюй взял Дань-Даня на руки и дал ему кусочек арбуза. Арбуз был комнатной температуры, и порция была небольшой. Янь Сюй не беспокоился, что у ребёнка заболит живот.

— Это место действительно хорошее, — сказал Хуан Чжиань, ставя пятёрку в отзыве на телефоне. — Цзин-гэ, может, как-нибудь сыграем партию?

— В чём? — вдруг спросил Янь Сюй.

Хуан Чжиань улыбнулся с гордостью:

— Цзин-гэ сказал, что играет в шахматы. А я ведь чемпион нашего жилого комплекса по шахматам.

Все засмеялись, даже на лице Сюй Синя появилась улыбка. Их отношения, казалось, постепенно сближались. Хуан Чжиань, воспользовавшись моментом, даже спел песню — хотя он сбивался с ритма и забывал слова, это не мешало его воодушевлению.

— У меня есть коллекционный алкоголь, старый, как мир. Как-нибудь принесу, и мы выпьем вместе, — сказал Хуан Чжиань, и он действительно был счастлив, хотя Янь Сюй не понимал, почему.

Садись в машину, Янь Сюй всё ещё размышлял, почему сегодняшний день казался ему таким странным. Странная вкусная еда, странное поведение Сюй Синя, непонятное возбуждение Хуан Чжианя и молчание Цзин Цичэня.

Хотя всё выглядело спокойно, под этой видимостью скрывалась непонятная Янь Сюю странность.

Машина медленно выехала с парковки, Дань-Дань и Сяо Дуньэр, прижавшись друг к другу, уснули. Кондиционер поддерживал в салоне комфортную температуру, не слишком холодную и не слишком жаркую.

— Цзин-гэ, — вдруг сказал Янь Сюй.

Цзин Цичэнь сжал губы и ответил:

— Что случилось?

Янь Сюй, казалось, искал слова, но в итоге просто спросил:

— Мне кажется, что всё странно, но я не могу понять, что именно.

— Я знаю, — сказал Цзин Цичэнь, но не стал объяснять. — Некоторые вещи тебе знать не нужно. Чем больше знаешь, тем хуже для тебя.

Если бы это услышал кто-то другой, он бы начал копать глубже.

— Это что-то плохое? — спросил Янь Сюй.

Цзин Цичэнь покачал головой.

Тогда Янь Сюй перестал задавать вопросы. Если это не было чем-то плохим и не угрожало его близким, ему не нужно было знать.

А тем временем Сюй Синь, возвращаясь домой за рулём, смотрел на Хуан Чжианя, который всю дорогу напевал. Он не удержался и спросил:

— Что Цзин-гэ тебе сказал?

Хуан Чжиань улыбнулся:

— Он сказал, что если мы хотим стать людьми, кроме запретной техники, есть ещё один способ — совершить девяносто девять добрых дел, одобренных Небесным Дао.

— Что такое добрые дела, одобренные Небесным Дао? — снова спросил Сюй Синь.

<http://bllate.org/book/15574/1386841>